

Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках*

Ирина Сандомирская

Введение

Родина – это символ коллективной самоидентификации, фигура коммунальной автомифологии, это фрагмент публичного языка и корпус дискурсивных практик. Дискурс о Родине, ее мифологемы и сакральные символы, ее ритуалы и культовые практики – прямой результат того, что Вальтер Беньямин в 1934 году назвал «эстетизацией политики» (Benjamin, 1969). Родина представляет собой идеал «прекрасного» и «любимого» сообщества, организованного вокруг ценностей «Своего»; алтарь власти, украшенный цветами официального красноречия. Родина заключает момент эстетизации в собственной конструкции, в поэтической мифе своего происхождения, в поэтической красоте идом, составляющих ее политическую фразеологию.

Популярная советская песня утверждает, что Родина начинается «с картинки в твоём букваре», т.е. формируется идеологическими методами в процессе воспитания и не принадлежит человеку на правах естественного, прирожденного атрибута (как на то претендует ее язык). Но дискурс Родины нельзя считать чистым продуктом политического принуждения, который навязывается пропагандой. Скорее можно говорить о том, что идеология «протезирует» бытие, создает человеку искусственную «природу». Подобно идеологическому протезу бытия, Родина глубоко внедрена в коллективное тело своего субъекта. Бенедикт Андерсон пишет о том, что главным национальным символом (главным символом Родины) является могила неизвестного солдата. При всей справедливости этого наблюдения, не следует и тривиализировать отношения между Родиной и ее субъектом. Независимо от усилий пропагандистской машины, смерть за Родину – серьезное решение, и отрицать субъектность такого жеста по меньшей мере легкомысленно. Тем более важно понять поэзис Родины и содержащийся в Родине момент обольщения ее возвышенной красотой, момент работы воображения (а не, скажем, юридической нормы), момент обострения чувства причастности к переживанию коллективного идеологизированного тела, момент любви и желания.

* Текст представляет собой краткое изложение исследования (Сандомирская, 2001). Рассматриваются вопросы деконструкции советской и постсоветской Родины, ее фигур и символов. Вопросы, связанные с культурной археологией соответствующих дискурсивных практик, в частности, их формирование в публицистике и литературных практиках начала XIX в, также освещенные в книге, здесь не обсуждаются. Статья выходит на немецком языке в: Karl Kaser, Dagmar Gramshammer-Hohl, Robert Pichlerl (Herausgeber). *Europa und die Grenzen im Kopf. Die Wieser Enzyklopaedie des europäischen Ostens*. В. 11. Klagenfurt:Wieser, в печати.

Благодаря своему насквозь мистифицированному характеру, дискурсивные формирования такого рода оказывают гипнотическое, fasciniрующее воздействие. В совокупности своих дискурсивных практик Родина образует плотные, непроницаемые «знаковые тела», которые упорно сопротивляются интерпретации, толкованию, переводу. С точки зрения передачи информации, говорить о Родине представляется избыточным. Это язык не для коммуникации и обмена идеями, а для исполнения роли препятствия, ограждающего от вторжения Иного. Задача Родины как символического тела – создавать значимость внутри себя и отчуждать все, что циркулирует в движении смыслов снаружи. Родина стремится поддерживать всеми силами миф о собственной уникальности. Сообщество людей под знаком Родины – это сообщество, которое отправляет культ собственной непереводаемости. Тем более парадоксально, что отдельные лексические единицы, составляющие язык этой непереводаемости, представляют собой почти дословные переводы из арсенала различных типов европейского национализма, а методы конструирования идеологии целиком заимствуют из практик европейского Просвещения.

I. История слова

Если проследить историю Родины как идеологической конструкции в самом общем виде, то можно видеть примерно следующую картину. Развитие современного государства, начатое в допетровское время и сформировавшее идеологию Империи при Петре, привело к появлению дискурса об Отечестве; процесс культурной самоидентификации в речевых практиках интеллигенции выработал собственно фразеологию Родины и Отчизны. Становление этих дискурсивных практик неразрывно связано с опытами изобретения историографии, литературной истории и языковой нормы (начиная с Ломоносова, Державина и Шишкова) (Сандомирская, 2001; Sandomirskaja, 2000). В ходе общественной дискуссии идеологическая машина, и прежде всего официальная цензура, отшлифовала эти практики, а культурное творчество интеллигенции закрепило их в качестве дискурса коллективной самоидентификации. Крах Российской Империи не привел, как это ни парадоксально, к провалу дискурса о Родине. Советская власть поначалу отнеслась к идее Родины подозрительно (поскольку, согласно «Коммунистическому манифесту», «у пролетариата нет родины»). Неприемлемым казалось для диктатуры пролетариата и понятие Отечества, поскольку как идеологическая категория оно определяло «монархическую» или «буржуазную» коллективную идентичность. Однако при Сталине, когда «революционный номадизм» первых лет потерпел поражение и процесс нового государственного строительства пошел в гору, эти идеологии, а вместе с ними и фразеология Родины, пережили второе рождение. Уже в конце 20-х годов, в период перехода от собственно диктатуры пролетариата к сталинскому государству, когда на полном ходу еще работала риторика интернациональной солидарности, а риторика национального самосознания, наоборот, политически преследовалась, идеологическая машина применила компромиссный ход, обозначив СССР оксюморонным по своему существу словосочетанием *отечество мирового пролетариата*. С середины 30-х годов тенденции русского национализма становились более выраженными, а вместе с ними постепенно реабилитировалась и риторика Родины («русской», а не «пролетарско-интернационалистической»). Кульминация этого процесса пришлась на конец войны и послевоенные годы, когда патриотико-государственный дискурс Советской Родины слился с махровым русским шовинизмом сверху. Сталинский канон сохранился в официальном советском патриотическом дискурсе до самого конца СССР. Однако либеральные хрущевские времена ознаменовались появлением риторики малой родины, что сигнализировало вступление на идеологическую арену локализма, голоса мест в противоположность административно-командной артикуляции центра. Допущенная в широкое обращение эстетика и идеология малой родины, как представляется, сыграла фатальную роль в судьбе великой социалистической Родины и во многом способствовала не только распаду СССР, но и нынешнему торжеству локального фундаментализма в бывших союзных республиках.

В нынешней России в условиях глобализации – в политико-экономическом контексте, сложившемся после развала СССР – дискурс Родины не отмирает, а, напротив, оживает, причем не только в идеологиях правонационалистических и прокоммунистических кругов, но и в локальных идеологиях, которые исповедуют интеллигенция, деятели искусства и культуры российского постмодернизма, поп-культура массовых развлечений, молодежные контркультуры и субкультуры. Русский дискурс Родины «прошивает» собой весь спектр социальных и экономических отношений, все группы – от финансовой олигархии до самых деклассированных и обедневших слоев, от высоко образованных горожан до жителей сельской глубинки.

II. Метафорический потенциал родного

Наблюдения за общественным языком убеждают нас в преемственности, существующей между политически несовместимыми идеологиями – русского монархизма, советского империализма и постсоветской олигархии. Эта преемственность проходит не по линии рациональных политических программ, а по линии мифа и соответствующих правил словоупотребления.

Что является денотатом имени *Родина*? Чем имя *Родина* отличается от имен *Россия*, *Российская Империя*, *Советский Союз*? Если это обозначение государства, то какую именно территорию имеют в виду – Российской Федерации? России до 1917 года? Евразии? И какую именно историю подразумевает термин *История Отечества* (нынешнее официальное название школьного и институтского курса истории)? Эквивалентна ли такая история *истории России* или *истории СССР*?

Денотат Родины фиктивен и нарративен: на Родину нельзя референциально или дейктически указать, но ее можно рассказать. Нарративных возможностей много: от упомянутой уже «Истории Отечества» до канонической биографии сына Родины, от официального описания ордена «За заслуги перед Отечеством» до юридического определения состава преступления «измена Родине». Клишированность языка, каноничность дискурса отражает способ бытования Родины в коллективном языковом сознании, особенность Родины как идеологической иконы.

С помощью такого клишированного, ритуализированного языка и создается «социальная близость». Духовное единство группы людей создается порядком языка. Общность между людьми, понятия о «своем» и «чужом» конструируются символическими средствами. Они распространяются на такие географические пространства, охватывают такое количество людей, что личный контакт как таковой теряет свою значимость. Более того, символическое единство народа подразумевает идентификацию не только с иными пространствами, но и с иными историческими периодами (исторический аспект или аспект этнической традиции в идеологии национального строительства). Такие общности требуют специальной идеологической работы. Так, согласно Бенедикту Андерсону¹, возникает риторика народа, нации, родины, идеологические и эстетические обоснования национальных государств и других политических объединений людей. Следы этой идеологической и эстетической работы над символической конструкцией идентичности мы находим во фразеологическом корпусе языка.

Говоря о фразеологии как о следе конструирующей работы коллективного сознания, я имею в виду классифицирующую функцию языка, которая проявляется прежде всего в устойчивой сочетаемости. В качестве примера рассмотрим употребление прилагательного *родной* в устойчивых сочетаниях современного русского языка. Мы увидим, как из метафорического переосмысления отношений родства и материнства, из метонимического переноса отношений родственной близости и любви постепенно строится конструкция общности как *политического* целого. При этом границы «природно-своего», «врожденного»,

¹ Benedict Anderson. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991

«родного» постепенно растягиваются и захватывают все больше и больше посторонних, но идеологически значимых атрибутов до тех пор, пока «родное» не покроем собой, подобно чехлу на каркасе, всю жесткую конструкцию «государственно необходимого». Мы увидим, какими способом приватное постепенно идентифицируется с общественным, а затем и с государственным, личный интерес сообщается с интересами власти, «прирожденно-Свое» становится этической и эстетической категорией для апроприации мира как «вторично-Своего» и как все это оказывается на службе политической гегемонии.

«Родное» – это ближний круг; непосредственно соприкасающееся с телом и потому исконно, неотъемлемо, неотменимо «Свое»: *родная семья, родной отец (брат, ...), родная мать (сестра, ...)*. Биологическая «врожденность» и эмоциональная, любовная близость совпадают; из любви рождаются *родной голос, родные глаза, родные руки* и т.д.

В круге родного обитают *родные и близкие*; их пределы – *родной дом, родные стены, родное село, родная улица, родные места* и т.д. Сила любви к родному «втягивает» место обитания в сферу «прирожденно-Своего». Любимые нами места суть *родные места, родные поля и леса, родные просторы*, над этими просторами – *родное небо*; индивидуальная память и семейная история воплощены в *родном очаге, родных пенатах, родных могилах*.

Постепенно географические пределы «родного» расширяются – в них входят и *родной город, и родной край, и родная страна, и родная планета*. Размеры таким образом возникающего «вторично-родного» зависят от степени удаления от него: в городе тоскуешь по *родной сторонке, по родным полям и лесам*, в чужом городе – по *родному городу*, в изгнании – по *родной стране, родному краю*, в космическом полете – по *родной планете*. Такое «вторично-родное» уже не есть результат непосредственного переживания любовной близости «Своего», но итог идентификации с коллективной идеологией.

Показательна эта способность понятия родного к пространственной экспансии. Если *солдат Отечества* отправляется *защищать родной кров*, то речь уже не идет о принадлежащей ему лично избе: *родной кров* разрастается до жизненного пространства целой нации. Метонимический перенос позволяет расширить основание идентификации: население *родной страны* уже не связано личными любовными отношениями как отдельные люди, но составляет большое идеологически скрепленное сообщество. Такое сообщество осмысляется в метафорах *родной почвы и родных корней*. *Почва и корни* – более высокая ступень обобщения, чем *родная кровь*. Если *кровь* – это фигура для репрезентации телесной близости, то *почва и корни* – фигуры близости духовной, идеологической, мировоззренческой. *Почва и корни* уходят не в семью, а в миропонимание. Именно последнее превращает метафорическую семью *родных и близких* в историческую общность народа. По логике «родного», такое сообщество становится и «любимым»; хотя члены его между собой и не знакомы, но, в силу идеологической идентификации, далеко не безразличны друг другу. По отношению к этому сообществу появляется моральный долг (*долг перед Родиной / Отечеством*) и эмоциональная привязанность (*любовь к Родине / Отечеству*) – точно так же как к собственной семье, но уже на гораздо более высоком уровне легитимации.

На следующем этапе тропеического процесса появляются такие словосочетания, как *родная литература, родная словесность, родной язык, родная речь, родное слово и родная история*. Большая часть этих фраз не обыденные сочетания, но зачастую названия учебных курсов («Родная речь», например, – заглавие серии учебников для начальной школы) или официальные термины (*курс родной истории*, но не, например, *курс родной географии*). Поэтому здесь речь идет о политически ангажированных доктринах истории, языка, словесности. Что произошло с семантикой? Мы наблюдаем еще один метафорический перенос: атрибут *любимого / родного дома, любимого / родного человека* оказался перенесенным на символический продукт – дискурс национальной литературы (*родное слово, родной язык, родная речь*) и национальную историческую доктрину (*родная история*).

Пространственная экспансия «родного», отмеченная нами выше, дополняется «экспансией вверх» – в область духовного. Отношения телесной близости (родства) и любви

теперь, по закону метафоры, переносятся на мир текстов – не любых, разумеется, но идеологически правильно отобранных, отцензурированных и институционально представленных в виде официальных учебных курсов и программ, в виде языковой и литературной политики, в виде доктрины. “Родные дискурсы” получают благословение политического режима в качестве репрезентантов национального духа, национальной идеи, общенационального самосознания и пр. Они искусственно возгоняются до состояния национальных символов. Идентификация с национальной литературой, национальной историей, и национальным языком – т.е. принятие их именно в форме *родной литературы, родной истории и родного языка* – это качественно новое состояние идентификации: в невидимый каталог «прирожденно-Своего» записывается идеологическая продукция, одобренная политической цензурой версия символической вселенной.

Далее, по крайней мере в советской патриотической риторике, происходит метонимический перенос «родного» с дискурсов на инстанции, занимающиеся контролем дискурса. Так в советском языке появляются и *родное Правительство*, и *родной товарищ Сталин*, и *родная Коммунистическая партия*, и многое подобное. В область «прирожденно-Своего» записываются политические институты и символы репрессивной власти. Так, на последнем этапе тропеического генезиса классифицирующая власть языка создает не только культурно-историческое, но и политическое «родство» – идеологическую доктрину единства народа.

III. Нарративный корпус Родины

«Единство народа» – единство дискурсивных средств, историй, который этот народ о себе рассказывает самому себе и другим. Я уже отмечала, что язык Родины обладает высоким нарративным потенциалом, и предлагаю ниже способ его систематизации. Материалом опять же выбраны фразеологические сочетания: сочетания слов с относительно высокой устойчивостью и повторяемостью. Выше, анализируя сочетаемость с прилагательным «родной», я показывала потенциальное развитие слова «вглубь»: способность метафоры (внутренней формы имени) порождать новые концепты. При анализе нарративности речь идет о потенциальном развитии слова «вширь»: постепенной экспансии имени по отношению к своему собственному контексту, канонизации своей собственной сочетаемости. Продуктом канонизированной сочетаемости следует считать не только соответствующий фразеологический корпус, т.е. собственно лексикон Родины, но и корпус нарративов для изложения ее (Родины) истории и настоящего.

Для этой цели отобраны устойчивые словосочетания с соответствующими лексемами, после чего проведена грубая классификация их корпуса согласно типу ситуации, которые эти словосочетания описывают, амплуа героя – субъекта ситуации, типу сюжета и пр. В этой работе важной была собственная языковая интуиция автора в сборе и классификации фразеологизмов, поскольку ни в одном из словарей этот корпус полного отражения не нашел. Затем была сделана попытка из имеющихся фразеологизмов составить связные, внутренне непротиворечивые «истории». В результате получилось несколько коротких текстов (некоторые из них с вариантами), лексика которых состоит из устойчивых сочетаний со словами *родина, отечество* и *отчизна*, с прилагательными *родной* и *чужой* и некоторыми другими именами, относящимися к смежным семантическим полям.

Предлагая такой подход, я ограничилась советской и постсоветской риторикой и фразеологией Родины, опираясь в основном на речевые жанры, которые сопутствуют повседневной жизни. Поэтому язык официальной советской идеологии в наш корпус вошел (соответствующие единицы выделены курсивом), а, например, язык литургии или индивидуальные авторские, поэтические «голоса» остались за пределами работы.

1. «Малый канон»: любовь к родине

Родина как принадлежность одной природе, прежде всего – символической: единство культуры, языка и истории. Прослеживается в дискурсе национальной интеллигенции, апеллирует к авторитету русской литературной традиции, к «корням» и «почве»; составляет

неписанный (и в силу своей «неписанности», гибкий соответственно политическим обстоятельствам) кодекс русского интеллигента. Дискурс в духе «малого канона» занят духовными поисками «русскости» и часто выступает в форме завуалированной критики власти, которая (критика) принимает более острую форму в эмигрантской публицистике, а затем и в отечественной постсоветской «ниспровергательной» литературе. Включает в себя не только репертуар «патриотических чувств» (любовь к Родине, тоска по утраченной Родине и пр.), но и своеобразный биографический канон, освящая, таким образом, индивидуальную жизнь как отношение между Родиной и Судьбой. В принципе, приспосабливается к любым видам «больших» практик – советским, антисоветским или постсоветским.

– **Персонаж дискурса: «Перекасти-поле»**

Детство героя проходит в малом пространстве. Это малое пространство – *родной дом / кров, отчий дом / кров, родная деревня, родное село, родные места*. Его населяют *родные и близкие, родная мать, родной отец*; защищают героя *родные стены*. Вокруг него все *родное – родные голоса, родные лица, родные обычаи*. В *родных местах его окружает родная природа: родные русские деревья, родные леса и поля*. Над головой – *родное небо, куда ни кинь взор – бескрайние родные просторы, привольно дышится родным воздухом*. Все это – *родная сторона (сторонка, сторонушка), малая родина*.

Герой вырастает и покидает *родные места*. Он переезжает в город и начинает *новую жизнь в мире, где все чужое, незнакомое*. Однако в мыслях он все время *возвращается к воспоминаниям детства*. Его *тянет / влечет на родину*. Переехав в город, он *оторвался от корней, потерял связь с почвой, не может пустить корни*, его как будто *пересадили на новую почву*, и он чахнет. Возможно, он все время переезжает с места на место, со стройки на стройку – *человек без роду, без племени, перекасти-поле*. Но *память о родных местах согревает и поддерживает его в трудную минуту*. Переломный момент его биографии – *известие / весточка с родины, встреча с земляком*.

Герой решает *возвратиться / съездить на родину*. Возможно, он едет отдохнуть, в отпуск. Возможно, его вынуждает к этому трагическое обстоятельство – *смерть матери, например*. Здесь все осталось по-прежнему, ничто не переменялось, но герой смотрит на родные места новыми глазами. К инвентарю «родного» прибавляются *родные могилы, родное (сельское) кладбище, отчие могилы*.

Варианты развязки:

a. Герой остается в *родных местах* навсегда; здесь он обретает утраченный на *чужбине* душевный покой; возможно, он встречает здесь свою первую любовь, которая по-прежнему верна ему.

b. герой *прощается с (босоногим) детством*, переживает нравственное возрождение, *возвращается к корням / истокам* и покидает *родную сторону* обновленным человеком, *унося в сердце / душе / памяти неизгладимый образ милой родины*.

– **Персонаж дискурса: «Изгнанник родины»**

Герой – жертва неблагоприятных обстоятельств, чаще всего – политической борьбы. В *трудные для нашего отечества / для нашей родины годы / дни / времена* он против своей воли *покидает родину* и вынужден искать *приюта на чужбине*. Его судьба теперь – *жить вдали от родины / в разлуке с родиной, тосковать по родине, жить в скитаниях*, и это – *трагедия эмиграции*. Уезжая, он *навек прощается с родиной*. Теперь он вынужден есть *горький хлеб изгнания, горький хлеб сиротства*. Эмигрант *прозябает, тоскует на чужбине, радуется каждой весточке с родины*. В случае удачи он *обретает новую / вторую родину* в лице страны, *давшей / предоставившей ему (политическое) убежище*. Но в целом новая страна остается *злой, постылой чужбиной*, его мучает / гнетет / грызет *тоска по родине*. Вокруг – *чужая речь, герой задыхается вне родного языка*. Герой *тяжело переживает разлуку с родиной, мечтает о новой встрече с родиной*. Тяжело быть человеком без родины, *потерять родину, лишиться родины*. Его *неудержимо влечет / тянет на родину*. Он *мечтает возвратиться на родину, задыхается вдали от родины, мечтает умереть и быть похороненным на родной земле, страшится смерти на чужбине*.

Варианты развязки:

а. *(Счастливым концем):* герой возвращается на родину / отчизну. Он дышит воздухом родины, наслаждается видами родной природы. Наконец-то он может ступить на родную землю после долгих лет скитаний и изгнанничества. Это счастливое, долгожданное возвращение на родину после многих лет вынужденной разлуки. На родине его не забыли, почитатели радостно приветствуют его возвращение на родную землю.

б. *(Несчастливый, но умиротворяющий конец):* вдали от родных и близких, томясь в разлуке с родиной, герой умирает от тоски по родине. Прошли годы, невзгоды минули, но он об этом уже никогда не узнает. Однако даже в страшные годы изгнания на родине у него оставались верные почитатели. Теперь они приходят на кладбище в том далеком городе, где жил наш герой (возможно, это кладбище Сен-Женевьев-де-Буа), приносят на его могилу русские цветы и оставляют на ней горсть родной земли.

с. *(Советский):* герой лишился родины / потерял / утратил родину в результате собственных ошибок и заблуждений. Оказавшись в изоляции, на обочине жизни, вдали от родины, снедаемый тоской по родине, радуясь издалека достижениям социалистической Родины и гордясь ее успехами / величием, герой постепенно осознает свои заблуждения и понимает, что не может существовать оторванным от Родины. Живя вдали от Родины, он сохраняет с нею живую / внутреннюю связь. Он решает возвратиться на Родину. Но прощение Родины надо заслужить (Здесь обычно наступает нарративный провал: мы не знаем, что именно герой делает для того, чтобы заслужить доверие и прощение Родины). В результате герой возвращается на родную землю, на свою великую обновленную Родину. Родина простила его.

2. «Средний канон»: величие Родины

Родина как дисциплина школьного преподавания и как цель патриотического воспитания масс. Дискурс пионерских сборов, газетных передовиц, лекций о международном положении, советских патриотических песен и пр. В отличие от нарративов «малого канона», целиком связывается с советским проектом воспитания «нового человека» и «новой исторической общности людей – советского народа². Апеллирует к работам классиков марксизма-ленинизма, решениям и постановлениям партии и правительства. В результате распада СССР, особенно краха системы идеологического воспитания, потерпел полный провал, хотя попытки его реставрации, в том или ином виде, постоянно предпринимаются и постсоветскими институтами, претендующими на роль «объединителей нации», в том числе церковью, армейскими идеологами и т.н. «политтехнологами».

– Семья народов

На бескрайних просторах нашей Родины, под солнцем / небом / мирным небосводом Родины расцветает дружная / братская / сплоченная / счастливая / многонациональная семья советских народов. Это – советский народ, новая историческая общность людей. От Москвы до самых до окраин, во Владивостоке и в Таллине, на Крайнем Севере и в жаркой Средней Азии, во всех / самых дальних уголках нашей великой Родины людей объединяет в одну семью горячая / искренняя / пламенная / сыновья любовь к своей социалистической / советской / многонациональной Родине. Братские народы Советской страны благодарны партии и правительству за неустанную заботу об их процветании, о расцвете их национальных культур (национальных по форме, социалистических по содержанию). В прошлом они подвергались беспощадному / непосильному национальному гнету / угнетению, но социалистическая революция освободила их, а братская помощь русского народа (Россия – республика первая среди равных) помогла их становлению, их подлинному расцвету.

– Военная мощь Родины

Наша Родина – СССР, первое в мире социалистическое государство. Мы должны беречь и приумножать богатства Родины, защищать Родину в трудные для нее годы. Наша Родина следует ленинским курсом мирного сосуществования, проводит миролюбивую внешнюю политику. Однако мы готовы дать отпор каждому, кто посягнет на

свободу и независимость нашей Родины. Наши доблестные вооруженные силы уверенно стоят на защите интересов Родины, на страже священных рубежей нашей Родины. Они надежно охраняют мирный сон советских детей. Они готовы дать отпор агрессору, защитить право советских людей на мирный созидательный труд, на мирное / чистое небо над головой. Рубежи нашей Родины неприкосновенны, границы нашей Родины на замке.

– **Счастливое детство**

Под солнцем / небом Родины, под мирным / чистым небосводом, в самой лучшей на свете Советской стране расцветает счастливое советское детство. Слышатся звонкие пионерские песни, звенят пионерские горны. В отличие от сверстников за рубежом, советская детвора может быть уверена в завтрашнем дне. Дети – единственный привилегированный класс в СССР. Родина неустанно заботится о детях, дает им бесплатное образование. Дети настойчиво овладевают знаниями. Они изучают и любят родную историю, родную речь, родной язык, родную литературу. Они любят и охраняют родную природу.

Вступая в ряды пионерской организации, дети торжественно обещают горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия. Пионеры и школьники готовятся стать продолжателями великого дела дедов, отцов и старших братьев. Они гордятся героическим прошлым нашей Родины. Мальчик – это будущий солдат, будущий защитник Родины. Пионеры и комсомольцы следуют маршрутами боевой славы отцов и дедов, готовы сделать все для процветания любимой Родины.

3. «Большой канон»: долг перед Родиной

Родина как идеологическая машина политических репрессий, как причина, цель и оправдание массовой гибели населения на войне, на «стройках коммунизма» и в концентрационных лагерях. Апеллирует к законодательству, нарушение которого несет с собой угрозу физического уничтожения или тяжких поражений в правах (пресловутая 58 статья, закон о всеобщей военной повинности и военная присяга, статьи о государственной измене в современном законодательстве и пр.). Канон политической чистки, в котором фразеология имперской внешней политики соединяется с фигурами и символами репрессивного режима.

– **Сыновья Родины**

Родина заботится о своих сыновьях, Родина воспитала / вскормила / вспоила своих сыновей. Родина дала им все – заботу, внимание, образование, чистое мирное небо. Родина любит своих сыновей. Родина посылает их на труд и на подвиг, на выполнение долга перед Родиной. Их долг – работать / трудиться на благо Родины, идти к новым и новым трудовым свершениям во имя Родины. Они гордятся своей великой социалистической Родиной, не жалеют сил для процветания Родины, для укрепления ее могущества. Смысл их жизни – труд на благо Родины. Сыновья Родины ставят интересы Родины выше собственных. Всеми порывами сына Родины движет горячая / пламенная / страстная любовь к Родине. Он стремится прославить свою великую Родину делами / трудовыми свершениями / спортивными достижениями / самоотверженным трудом. Он отдает Родине свой вдохновенный труд. Высокие трудовые заслуги перед Родиной отмечаются орденами и медалями.

– **Защитник Родины**

Родина воспитала / вскормила / вспоила своих сыновей, Родина дала им все. Родина любит их как мать. Сыновья Родины приносят присягу на верность Родине, клянутся защищать Родину до последней капли крови. Теперь они – солдаты Родины, защитники Родины, наследники боевой славы отцов и дедов. Они готовы в любую минуту встать на защиту социалистической Родины. Защита Родины – священный долг гражданина. Родина посылает своих сыновей на боевой / ратный подвиг – Родина-мать зовет. По зову Родины, по зову сердца защитник Родины готов на подвиг, на выполнение сынов-

него долга / сыновней обязанности перед Родиной. Когда враг коварно нарушает / вторгается в пределы нашей Родины, защитник Родины, не жалея жизни / не щадя живота отстаивает независимость, достоинство и свободу Родины. В трудный для Родины час он грудью становится на защиту Родины. Его смерть почетна: «пал на полях сражений, защищая Родину». Солдат Родины всегда готов и в мирное время встать на защиту священных рубежей Родины. Родина помнит боевые заслуги своих сыновей, отмечает их своими боевыми наградами. Родина помнит / не забудет своих сыновей, отдавших жизнь за честь и независимость Родины, будет чтить их боевой / ратный подвиг. Они с честью отстаивали свободу и независимость Родины.

– **Изменник Родины**

Родина воспитала, вспоила и вскормила будущего изменника, но, как оказалось, пригрела на груди змею. Родина дала ему образование, крышу над головой, чистое мирное небо, возможность для вдохновенного созидательного труда. Родина дала ему все. Он отплатил Родине черной неблагодарностью. Он поставил собственные интересы выше общественных, выше интересов Родины. Он предал самое дорогое, что есть у нас всех – Родину. Подобно Иуде, он продал Родину за тридцать серебряников. Подобно Исаву, он продал Родину за чечевичную похлебку. Для него нет ничего святого: где хорошо, там ему и родина. Он отщепенец, предатель, Иуда, человек без Родины, двурушник, очернитель нашей действительности. Народ отвечает на его поступок гневом и презрением. За свой позорный поступок изменник Родины понесет достойное наказание: будет выслан за пределы Родины и лишен гражданства.

Вариант развязки «лагерный»: на допросе следователь учит его, как Родину любить. За измену Родине преступник приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу.

Виртуальные свойства Родины, которые находят воплощение в метафорике и нарративности ее языка, ничего не говорят нам о реальности Родины, а именно – о повседневности «простого советского человека». Между тем, Родина как доминирующий порядок культуры конструирует человека – своего носителя и субъекта. Патриотическая риторика отнюдь не ограничивается «пустыми фразами» восхваления Родины. Она имеет далеко идущие претензии как в смысле конструирования Иного, так и в смысле конструирования Своего. В частности, риторика и фразеология Родины занимается переформулированием времени, истории, тела и субъектности. История переписывается таким образом, что Родина оказывается ее центром и «пунктом назначения». Время задается догматическим представлением о закономерном, однонаправленном процессе развития, целью и высшей стадией которого оказывается собственно Родина, ее расцвет и торжество. Частная биография вписывается в этот коллективный мега-проект времени, подчиняется его календарю и логике. Соответственно переписываются обстоятельства прошлого, которое оказывается тотальным контекстом подготовки к явлению Родины в мифологическом будущем. Соответственно же и определяется утопия будущего расцвета. Субъект – актер Родины – формулируется Родиной как вторичная функция патриотического дискурса.

Идеи «мужского» и «женского», метафоры детства, символические конструкции дома и семьи в этом дискурсе целиком подчинены интересам государства; собственно государство в рамках этой риторики оказывается продолжением тела, а в конечном счете и суррогатом тела. Так государственный политический интерес оказывается вписанным в приватное пространство – в результате чего приватность, телесность, индивидуальность, самость, идентичность оказываются всего лишь симулякрами дискурса государственности.²

² К сожалению, я не имею возможности в рамках данного текста рассмотреть реакцию «простого человека» на такое регулирование со стороны порядка дискурса. Тема апроприации «большой идеологии» Родины в мировоззрении «маленького человека» рассматривалась в двух отдельных исследованиях, к которым я и отсылаю заинтересованного читателя (Сандомирская, 2001; Козлова, Сандомирская, 1996).

IV. После «совка»: ремонт Родины

В публичном дискурсе пост-коммунистической России *Родина* и *Отечество* едва ли не самые частые по употреблению слова. *Принудительный* патриотизм советской империи сменился *коммерческим* патриотизмом в средствах массовой информации и в политических популистских акциях. Родина не только по-прежнему представляет собой духовную (идеологическую) ценность, но приобрела и свойства социального капитала: в общественной жизни и в средствах массовой информации, в рамках капиталистической конкуренции, идет постоянная борьба за право говорить о Родине. Патриотические высказывания «инвестируются» в рекламу и пропаганду с целью получения прибыли: избирательных голосов, внимания потребителя к товару или благожелательного отношения Кремля. Идет, выражаясь советским жаргоном, широкомасштабная «продажа Родины»: идеологическая икона превратилась в коммерческий логотип, в «трейдмарк». Несмотря на то, что нынешние носители русского языка и русской культуры унаследовали и присвоили риторику и идеологию Родины главным образом в их советской официальной-политической редакции, этот дискурс чрезвычайно быстро «перестроился» и коммерциализировался, а благодаря этому пережил развал советской символической вселенной. В результате Родина вошла в новую постсоветскую эпоху как центральная идеологема, хотя и на новых, «капиталистических» условиях своего существования.

В своем новом качестве коммерциализированного фетиша, Родина больше не навязывается своему субъекту через репрессивный идеологический аппарат, она не столько репрессивна, сколько обольстительна. Можно сказать, что коммерциализации наиболее успешно подвергся «малый канон Родины»: именно патриотическая лирика, воплощенная в этом каноне, наиболее приспособлена для компенсации того психологического и социального ущерба, которому подверглось абсолютное большинство «бывших советских людей», деклассированных и маргинализированных в новых капиталистических обстоятельствах. Деклассированию подверглись в своей массе и ранее привилегированные слои гуманитарной интеллигенции, от которой можно было бы ждать критической реакции. Широко распространенная в культурах бывшего СССР ностальгия по утраченному советскому образу жизни, которая как раз и сигнализирует об этой деклассированности, обретает компенсацию в дискурсе о Родине. Это не должно удивлять, если учесть, насколько глубоко, в самой своей телесности, повседневность советского периода была пронизана фигурами и символами Родины.

Еще одной причиной, поддерживающей дискурс о Родине, следует считать резкое сужение рынка идеологической продукции: бывшие советские работники идеологического фронта, чей труд ранее был полностью востребован аппаратом власти, теперь вынуждены предлагать его новым покупателям – политикам и бизнесменам, которые нуждаются не в идеологическом воспитании, а в рекламе и в технологиях манипулирования общественным мнением. В результате создается квази-канонический дискурс, целью которого является «всучить» товар, т.е. обольстить покупателя. Родина не создается как идеологическая необходимость, а симулируется в соответствии с желаниями клиента. У Родины появляется «визаж» и «имидж», который, в частности, охотно выражает себя в архитектурных стилях и в интерьерах (практики евроремонта). Так, за короткий период времени архитектурный облик Москвы украсился «новоделом» в стиле «рюсс по-лужковски», «ельцинского бандитского византизма» и «путинского функционального неосталинизма» (я пользуюсь этими эпитетами описательно, а не терминологически). Столица нашей Родины, или, как пелось в известной песне, «дорогая моя столица, / золотая моя Москва» (эпитеты *дорогая* и *золотая* надо ныне понимать буквально) – демонстрирует нам уже не идею Родины, а разнообразные патриотические «прикиды». Перед нами не Родина – идеологический монолит, как это было в советские времена, а Родина-трансвестит, легко меняющая свою внешность, приспособливающая свою видимость к нравам и вкусу элиты. Не случайно и перестройка столицы ограничивается в основном модернизацией фасадов. Нынешний «подписчик Родины» – тот самый бывший советский человек –

не удивляется превращению Родины в очередную потемкинскую деревню и даже охотно принимает участие в этой трансвеститской игре. «Могу любое, ношу отечественное», – утверждает от лица бывшего советского человека реклама российской готовой одежды.

Как всякий фальшивый фасад, потемкинская деревня прикрывает собой ничто, пустоту, отсутствие. «Евроремонт» Родины – это не политическая реставрация сталинизма, а реставрация его видимости. Постсоветская Родина – это общество-«сталиноид», в котором признаки сталинского общественного устройства воссоздаются симулятивно, как виртуальная реальность и как повод для игры. Родина – тотальное означающее – ищет все новые и новые символические и технологические средства для симулятивного «размывания», переписывания и подчинения себе реальности. Такова Родина эпохи глобализации: высоко-технологически симулированная, эстетизированная, дизайнерски оформленная, коммерчески выгодная видимость Империи.

Литература

Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 50, Wien 2001.

Козлова Н., Сандомирская И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.

Benedict, A.(1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London.

Benjamin, W. (1969). *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*. Illuminations. Transl. by Harry Zohn. New York, 1969, 241–242. (Перевод с нем. книги этого автора Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit)

Sandomirskaja, I.(2000). Ueber die Philologie. Poetische Vorstellung und politische Doktrin. Kultur – Wissenschaft – Russland: Beitrage zum Verstaendnis von Kultur und Wissenschaft aus slawistischer Sicht. Wolfgang Eismann / Peter Deutschemann (Hrsg.)Frankfurt a.M., etc., S.189 – 200.